

Анциферова О. Н. Названия болезней и болезненных состояний в издании В. М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники»: состав, словообразовательные модели / О. Н. Анциферова // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 9—20. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20.

Antsiferova, O. N. (2020). Names of Diseases and Painful Conditions in Publication of V. M. Florinsky “Russian Common Folk Herbalists and Healers”: Composition, Word-Formation Models. *Nauchnyi dialog*, 2: 9-20. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20. (In Russ.).

УДК 811.161.1*276.6:61

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-9-20

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ И БОЛЕЗНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ В ИЗДАНИИ В. М. ФЛОРИНСКОГО «РУССКИЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ ТРАВНИКИ И ЛЕЧЕБНИКИ»: СОСТАВ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ

© Анциферова Ольга Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-2760-2875, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (Екатеринбург, Россия), antsiferovaon@yandex.ru.

Осуществляется анализ книги «Русские простонародные травники и лечебники: собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия», изданной профессором В. М. Флоринским (Казань, 1879). Подчеркивается важность исследования письменных памятников медицинского содержания для изучения истории формирования русской медицинской терминологии. Обосновывается важность изучения «Травника» и «Книги, глаголемой Прохладный вертоград», входящих в сборник Флоринского. Отмечается уникальность языковой ситуации, в которой создавались названные памятники, — конец XVII — начало XVIII веков. Перечисляются задачи исследования, в число которых входит выявление названий болезней и болезненных состояний. Описываются словообразовательные модели, характерные для данных наименований. Рассматриваются словосочетания номинативного типа, выполняющие роль предтерминов в профессиональной речи медиков. Делается вывод о том, что процессы терминообразования в русской врачебной сфере, а также описания болезненных состояний осуществлялись сначала за счет ресурсов родного языка, что совпадало с представлением о национально-языковой норме. Обращается внимание на то, что сочетание русизмов, славянизмов и заимствованных слов в исследуемых источниках может служить подтверждением гипотезы о формировании нового книжного типа языка, в котором начинается стилистическая нейтрализация генетических различий лексем.

Ключевые слова: история русской медицинской терминологии; памятники письменности XVII—XVIII веков; наименования болезней; процессы терминообразования.

1. «Травник» и «Книга, глаголемая Прохладный вертоград» как лингвистические источники XVII—XVIII веков

Изучение истории формирования медицинской терминологии неразрывно связано с анализом памятников письменности медицинского содержания. Среди таких источников травники, лечебники, зельники, вертограды, целебники, которые получили распространение в России с XVI века. Это были «народные» и «переводные» врачебники, которые описывали травы и их использование при лечении различных заболеваний. В условиях отсутствия врачебных школ они способствовали становлению специальной терминологии и разработке русского медицинского языка [Боброва, 2011, с. 111].

С начала XIX века эти сочинения привлекали внимание ученых и рассматривались в трудах по истории медицины, использовались при составлении ботанических словарей, кроме того, появлялись публикации отдельных рукописей [Ипполитова, 2004]. Одна из таких публикаций — книга профессора В. М. Флоринского «Русские простонародные травники и лечебники: собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия», изданная в Казани в 1879 году.

В предисловии к изданию В. М. Флоринский утверждает, что первые рукописные сочинения по русской медицине достойны внимательного прочтения и изучения, так как сохраняют практическое значение по отношению к народному врачеванию (рекомендуют простые и общедоступные средства оздоровления), позволяют проследить историю формирования того или иного способа лечения болезни и пути укоренения сложившейся «лечебной привычки» [Флоринский, 1879, с. XVII]. Именно поэтому профессор собирал такие сочинения и некоторые из них издавал, сопроводив комментариями. Несмотря на то, что в названии сборника есть указание на время создания рукописей, точная дата их появления на свет неизвестна.

Открывает названное собрание памятников письменности «Травник», созданный, по словам Флоринского, скорописью в начале XVIII столетия и, по-видимому, незаконченный. Профессор считает, что терминология, представленная в «Травнике», народная, а не научная, и в этом смысле лексические материалы данного сочинения приобретают научную ценность.

За «Травником» следует «Книга, глаголемая Прохладный вертоград». Слово *вертоград* в этом названии означает ‘сад’, ‘цветник’ или ‘виноградник’. М. И. Боброва, И. К. Журавлева утверждают, что когда в травники стали попадать рецепты, в состав которых входили продукты животного происхождения, минералы, то наиболее «чистые» из них, то есть состоящие из описания одних растений, стали называть словом *цветник* [Бобро-

ва, 2011, с. 111]. «Прохладный вертоград», подготовленный к публикации В. М. Флоринским, «чистым цветником» не является, потому что включает сведения о влиянии на организм человека продуктов животного происхождения.

В предисловии к изданию профессор обращает внимание читателей на то, что эта книга является переводом известного немецкого аптекарского лечебника Hortus Amoenus. Перевод осуществлен подьячим Андреем Никифоровым в 1672 году. В. М. Флоринский подчеркивает, что переводные книги того времени нельзя считать в чистом виде иностранными, потому что еще не было никакой подготовки для усвоения медицинских понятий и не существовало необходимой терминологии. Приступая к переводам, знакомя русскую публику с основами медицинской науки, переводчики должны были создавать соответствующие названия на родном языке, поэтому в этих книгах «много чисто народных медицинских терминов, теперь несправедливо забытых под влиянием иностранной терминологии» [Флоринский, 1879, с. XV]. С этой точки зрения переводные издания не менее ценны, чем оригинальные: их изучение позволяет дополнить картину истории формирования русской медицинской терминологии.

Мы остановили свое внимание на вышеназванных памятниках письменности, потому что эти сочинения близки по времени создания (конец XVII — начало XVIII веков) и, следовательно, некоторым образом отражают уникальность сложившейся в то время языковой ситуации — ситуации формирования русского национального литературного языка как языка нового типа. Наблюдение за употреблением названий болезней в травниках позволяет получить сведения о процессе развития русского медицинского языка в условиях формирования единой национально-языковой нормы.

При изучении вышеназванных памятников письменности мы ставили следующие задачи: выявить наименования болезней и болезненных состояний, проследить за способом словообразования этих наименований и их лексикографической фиксации в Словаре Академии Российской (1789—1794). Далее в случаях фиксации лексем в названном словаре сведения об этом будут даны в квадратных скобках с использованием сокращения — САР.

2. Однокомпонентные наименования болезней и болезненных состояний в названных источниках

В ходе анализа лексического состава изученных источников мы выявили следующие словообразовательные модели, по которым образуются однокомпонентные наименования болезней и болезненных состояний. Обратим внимание на то, что орфография памятника сохранена, при этом мы

сочли возможным для удобства чтения опустить букву *ъ*, которая писалась на конце слов после твердых согласных.

С формантом *-иц(а)*: *безсонница*, *бородавица*, *заушица* ('воспаление заушной железы'), *зимница* ('лихорадка, озноб'), *норица* ('язвы у лошадей') [САР, IV, ст. 551], *трясавица* ('лихорадка') [Там же, VI, ст. 306]. Такая словообразовательная модель была продуктивной в сфере просторечной лексики [Князькова, 1974, с. 97]. В современном русском языке тип непродуктивен [РГ–80, I, с. 165 § 283].

С формантом *-от(а)*: *ломота* [САР, II, ст. 1297], *пухота*, *щемота*, *щипота*. Известно, что подобные существительные, мотивированные глаголами, служат названиями физических состояний и физиологических отклонений. В современном русском языке тип непродуктивен [РГ–80, I, с. 162, § 265].

С формантом *-ин(а, ы)*: *хрипотина*, *пъжины* ('темные пятна на коже'). В источниках начала XVIII века употребление существительных на *-ин(а)* крайне редко [ИЛ, 1981, с. 51]. Однако постепенно тип проявляет продуктивность в разговорной речи и в сфере терминологии [РГ–80, I, с. 155, § 248].

Отглагольные имена, оканчивающиеся на *-ние*, *-ие*, *-ье*: *блевание* [САР, I, ст. 239], *кровокипленіе*, *отрыганіе* [САР, V, ст. 234], *рыганіе* [Там же, ст. 233], *трясовеніе*, *удушіе* [САР, II, ст. 834], *колотье* [Там же, ст. 744]. Известно, что существительные с вышеназванными формантами составляют один из самых обширных разрядов лексики русского языка. Продуктивность такой словообразовательной модели поддерживалась и стимулировалась влиянием церковнославянского языка, а затем образование подобных слов уже происходило на собственно русской основе. Этот разряд слов служил источником пополнения книжной, в том числе и научной лексики [Мальцева, 1975, с. 113]. В XVIII веке подобные отглагольные существительные, называющие состояние как процесс, становятся продуктивными в сфере просторечной лексики, причем они без ограничений образуются от просторечных глаголов [Князькова, 1974, с. 99—100]. Тип высокопродуктивен в специальной терминологии [РГ–80, I, с. 160, § 261].

Отглагольные имена с нулевым аффиксом: *кашель* [САР, III, ст. 485], *насморк*, *окорм* ('отравление') [Там же, ст. 829], *отек* и *оток* [САР, VI, ст. 82], *пожог* ('ожог'), *поръз* [САР, V, ст. 256], *свербеж* ('зуд') [Там же, ст. 351]. Такие слова составляют высокопродуктивный тип [РГ–80, I, с. 219, §446].

Наименования с аффиксами *-ай*, *-ей*: *лишай* [САР, III, ст. 1227], *чирей* ('фурункул') [САР, VI, ст. 776]. По мнению Г. П. Князьковой, существи-

тельные с данными аффиксами обозначают предмет с присущим ему отрицательным признаком и продуктивны в сфере просторечной лексики [Князькова, 1974, с. 93]. В современном русском языке тип непродуктивен [РГ–80, I, с. 198, § 374].

Отыменные наименования с аффиксом *-ость*: *глухость*, *мокрость*, *повѣтрость* ('респираторное заболевание'). Известно, что существительные на *-ость* с конца XVII века составили один из самых многочисленных разрядов новообразований, сферой их распространения служили сочинения «высокой и научной книжности» [Мальцева, 1975, с. 10–24]. В сфере просторечия такие аффиксальные образования были редки [Князькова, 1974, с. 101]. Наше исследование еще раз подтверждает факт незначительной распространенности таких новообразований в сочинениях, адресованных широкому читательскому кругу. В современном русском языке такой тип непродуктивен [РГ–80, I, с. 164, § 271].

Наименование *повѣтрость* имеет вариант *повѣтріе* (с формантом *-іе*), этот вариант в значении 'заразительный воздух, причиняющий повальные болезни скоту и людям' включен в САР [САР, I, ст. 1107].

С формантом *-ств(о)*: *бѣшенство* [САР, I, ст. 451], *горячество* ('жар'). Известно, что в XVIII веке резко сокращается количество новых слов на *-ств(о)*, образованных от основ прилагательных. Это было вызвано тем, что с XVII века основы прилагательных становятся базой образования существительных на *-ость* со значением отвлеченного качества, свойства [Мальцева, 1975, с. 77]. Единичные фиксации наименований на *-ств(о)* в исследуемом нами источнике еще раз подтверждают этот факт. В современном русском языке этот словообразовательный тип продуктивен в различных сферах [РГ–80, I, с. 162, § 264].

С формантом *-к(а)*: *одышка* [САР, II, ст. 820], *сухотка* ('чахотка') [САР, V, ст. 976]. Существительные на *-к(а)* увеличивают активность употребления в Петровскую эпоху, но этот формант менее продуктивен, чем *-ние* [ИЛ, 1981, ст. 45]. В современном русском языке данный словообразовательный тип обладает высокой продуктивностью, преимущественно в разговорной и профессиональной речи [РГ–80, I, с. 161, § 262].

С аффиксом *-ок*: *нырок* ('нарыв'). Этот тип продуктивен преимущественно в разговорной речи [Там же, с. 147 § 221].

С аффиксом *-ик*: *волосатик* ('червь; болезнь, вызванная личинками-паразитами') [САР, I, ст. 763]. Тип продуктивен особенно в разговорной речи [РГ–80, I, с. 167, § 285].

С формантами *-ох(а)*; *-ух(а)* / *-юх(а)*: *кумоха* ('лихорадка'), *корюха* ('корь'). Формант *-ох(а)* обычно вносит в наименование оттенок неодобре-

ния [Там же, с. 152, § 235]. Этот словообразовательный тип обнаруживает продуктивность в сфере экспрессивной разговорной и просторечной лексики [Там же, с. 165, § 279].

С формантом *-уг(a)*: *камчуга* ('ломота в костях'). Существительные на *-уг(a)* обычно являются стилистически сниженными, характеризуются разговорностью, оценочной экспрессией [Там же, с. 217, §435].

Наименования, мотивированные прилагательными с аффиксом *-ев*: *огнева* ('жар, горячка'). Заметим, что в том же значении слово зафиксировано В. И. Далем [Даль, II, 1881, с. 666], это говорит о длительном этапе функционирования данной лексемы.

Наименования с формантом *-ч(a)*, мотивированные глаголами: *порча* [САР, IV, ст. 1005]. Такой тип непродуктивен [РГ–80, I, с. 164, §275].

Кроме того, в названных памятниках письменности зафиксированы непроизводные наименования болезней: *воспа* ('оспа') [САР, I, ст. 867], *грыжа* [САР, II, ст. 388], *кила* ('опухоль, грыжа') [САР, III, ст. 527], *угри* [САР, VI, ст. 414], *уроки* ('порча, род припадка') [САР, V, ст. 140], *чемер* ('мигрень') (в словаре зафиксировано в другом значении — «конская болезнь») [САР, VI, ст. 693].

Наблюдения показывают, что 52 % выявленных наименований зафиксированы в Словаре Академии Российской (1789—1794), то есть они воспринимались как нормативные. Некоторые из слов (10 %) сопровождаются в словаре латинскими эквивалентами. Например: *кила* — *hernia*, *лишай* — *impetigo*, *колотье в боку* — *pleuritis* и др. Представленная в лексикографическом издании медицинская лексика имеет полные дефиниции, составленные русскими врачами А. П. Протасовым, Н. Я. Озерцковским [Чернявский, 1984].

Обратим внимание на то, что в наименованиях болезней, о которых выше шла речь, не используются интернациональные словообразовательные элементы, характерные для современной медицинской терминологии. Большая часть выявленных нами словообразовательных моделей характерна для просторечной и разговорной лексики. Подчеркнем, что изучение названий болезней в «Тобольском травнике XVIII века» привело к схожему выводу: большинство наименований имеет русскоязычное происхождение и создано суффиксальным способом [Коскина, 2011, с. 169].

3. Многокомпонентные наименования болезней и болезненных состояний в названных источниках

Многокомпонентные наименования в исследуемом источнике представлены следующими моделями.

(1) Словосочетание «прилагательное + существительное» со стержневыми словами:

— *болезнь*: *внутренняя бользнь, горящая бользнь, зубная бользнь, падушья бользнь, печенная бользнь, селезенная бользнь, трясавичная бользнь, черная бользнь, камчужная больсть*. В составе таких наименований встречается иноязычная лексика: *меланколевая бользнь, стомаховая бользнь*;

— *болячка*: *внутренняя болячка, гнилая болячка, мокрая болячка, моровая болячка, надутая болячка, твердая болячка*;

— *чирьи*: *горячие чирьи, надутые чирьи, огненные чирьи, твердые чирьи*. В таких наименованиях отражены стадии болезни, причем в ряде случаев используется эквивалентное иноязычное слово *апостема*: *к горячим апостемам, к надутым апостемам, к тведым апостемам*;

— *отек*: *водоточный оток, горящая оток, оток очной* ('отек глаз'), *оток печенной* ('отек печеночный'), *оток камчужный, оток язычный*;

— *горячество*: *великое горячество, горячество нутренное*;

— *недуг и немощь*: *водоточный недуг немощь зубная, водоточивная немощь, селезенная немощь*. Слова *недуг* и *немощь* являются славянизмами (рус. *бользнь* и *больсть*) [Замкова, 1975, с. 40]. Прилагательные, образованные способом сложения (*водоточный, водоточивный*), — дань книжной традиции, ориентированной на создание сложных слов, которых было много в церковнославянском языке [ИЛ, 1981, с. 32];

— *короста*: *вредительная короста, корста тблесная*;

— *язва*: *гнилые язвы, язвы ушные, язвы ртяные* ('язвы во рту').

Кроме того, в основе словосочетания могли быть иные стержневые слова: *біеніе трясавичное, великий жар, грыжа хребтовая, кишечное ворчаніе, кровавое теченіе, мокрость вредительная, струп сухой, трясеніе сердечное, хрипленіе горящее*.

Обратим внимание на то, что место прилагательного по отношению к стержневому существительному варьируется: препозиция и постпозиция. Возможно, что постпозиция прилагательного обусловлена влиянием латинского языка, а именно особенностями строения медицинских терминов, в которых прилагательное следует за определяемым словом.

(2) Словосочетание «существительное + существительное»: *опухоль тела, укушеніе гадов, теченіе гноя*.

Словосочетания номинативного характера принято называть предтерминами. Они отличаются от терминов неустойчивостью формы, невыполнением требований краткости, иногда отсутствием стилистической нейтральности. В большинстве случаев предтермины вытесняются тер-

минами на периферию языка, а затем окончательно выходят из употребления.

(3) Помимо предтерминов, для наименования болезненных состояний человека и иногда животных активно используются описательные обороты, представленные придаточной частью сложного предложения со словами:

— *кто*: *кто огневою лежит, кто имѣет в себѣ селезен болен, кто ранен или сечен, кто великое горячество имѣет внутрѣ, кто кровію начнет мочиться, кто имѣет камень в пузыре, кого змѣя ожалит, у кого пупок рушится, у кого утроба болит, у кого зубы болят, у кого сором насорится глаз, у кого очи прѣют или слезы часто ходят, у кого очи зноемъ ночью залѣпляются, у кого глава болит, у кого камень в почках, у кого глисты, у коих язычек ('язычок') отпадывает, у кого поясница болит, у кого утроба кровавая, у кого бедра и лядвеи ('ляжки') болят, у кого сердце бьется и трясется, у кого оход ('задний проход, геморроидальная шишка') выходит;*

— *кои*: *кои тяжко мочатся, кои окормлены ('отравлены'), кои стражут каменем, кои негодуют каменем, кои негодуют теченіем мокротностным, кои бывают тягосты нутром, кои очи аки сквозь мглу видят, кои обдержани суть огневою, кои обдержани суть утробую кровавою, кои обдержани суть жаром огненным внутри, у коих обморок обходит, у коих жилы корчатся.* В этих оборотах сильно влияние книжной традиции, о чем говорит обилие славянизмов;

— *который*: *которой человек не растет или горбат, которой человек не смыслен ('слабоумие'), у которой жены груди болят, которые ребята не спят, которые малые дѣти не спят, на которых желтость нападает, из которых осока сочится, от которой мокрости глава больна бывает;*

— *когда*: *когда скот вертится, когда приступает к сердцу кровь.*

Очевидно, что представленные выше описательные обороты, используемые для описания болезненных состояний, возникли в связи с недостаточной развитостью терминологического аппарата. А. А. Реформаторский утверждал, что научная терминология развивается одновременно с той областью знания, к которой относится. Чем выше уровень развития науки, тем «больше вес языка в ее структуре» [Реформаторский, 1986, с. 165].

4. Выводы

Началом формирования русской медицинской терминологии принято считать вторую половину XVII века, что определяется увеличением

в языке состава лексем, обозначающих медицинские понятия [Коскина, 2013, с. 6]. Наблюдения над материалами письменных памятников, опубликованных профессором В. М. Флоринским, свидетельствуют о том, что процессы терминообразования в русской врачебной сфере, а также описания болезненных состояний осуществлялись сначала за счет ресурсов родного языка. И это совпадало с представлением о национально-языковой норме, о чем свидетельствуют лексикографические фиксации в Словаре Академии Российской. Латинский язык как язык науки существовал параллельно, хотя и оказывал влияние, особенно на уровне лексических заимствований. Вероятно, ситуация кардинально изменялась по мере развития в России медицинских школ, в которых стали требовать и графически, и грамматически оформлять медицинские слова на латинском языке, следовательно, латинизмы и греко-латинские словообразовательные элементы стали активно входить в профессиональную речь медиков. И уже на более поздних этапах развития врачебного дела стала ощущаться тенденция к интернационализации медицинской терминологии.

Сочетание русизмов, славянизмов и заимствованных слов в исследуемых нами источниках некоторым образом подтверждает гипотезу о том, что к концу XVII века вырабатывается новый книжный тип языка, в котором начинается стилистическая нейтрализация генетических различий лексем [Коскина, 2013, с. 10]. По мнению Л. А. Глинкиной, бытовая тематика травников, лечебников и вертоградов способствовала синтезу элементов книжного языка, официальных штампов и народно-разговорной речи [Глинкина, 2006, с. 15—22]. Хотя мы не ставили целью выяснить соотношение книжной и разговорной лексики, наши наблюдения подводят нас к мысли о необходимости дальнейшего изучения словарного состава названных источников именно с этой точки зрения.

Проведенное нами исследование позволяет пополнить копилку языковых фактов XVII—XVIII веков и получить некоторое представление о словообразовательных моделях наименований болезней и болезненных состояний названного синхронного среза языка. Формирующаяся терминология медицинской сферы, ориентированная на данном этапе на бытовой аспект и житейский опыт, представлена однокомпонентными и многокомпонентными наименованиями, в составе которых присутствуют разговорные и книжные единицы. Значительная часть из выявленных наименований — предтермины и описательные обороты, представленные придаточной частью предложения.

Источники

1. *Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники : Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия / В. М. Флоринского. — Казань : типография Императорского университета, 1879. — XVIII. — 229 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боброва М. И.* Травники XVI—XVIII вв. в фонде Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина / М. И. Боброва, И. К. Журавлева // *Метод. вісник іст. ф-ту / ХНУ ім. В. Н. Каразіна.* — 2011. — № 9. — С. 110—117.

2. *Глинкина Л. А.* Лингвистическое источниковедение в кругу смежных гуманитарных наук / Л. А. Глинкина // *Деловой язык XVIII — начала XIX вв. на Южном Урале и в Зауралье.* — Челябинск : Полиграф–Мастер, 2006. — С. 15—22.

3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — Санкт-Петербург ; Москва : Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1881. — Т. II. — 807 с.

4. *Замкова В. В.* Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII века / В. В. Замкова. — Ленинград : Наука, 1975. — 223 с.

5. ИЛ — *История* лексики русского литературного языка конца XVII — начала XVIII века / ответственный редактор Ф. П. Филин. — Москва : Наука, 1981. — 374 с.

6. *Ипполитова А. Б.* Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 24.00.01 / А. Б. Ипполитова. — Москва, 2004. — 25 с.

7. *Князькова Г. П.* Русское просторечие второй половины XVIII века / Г. П. Князькова. — Ленинград : Наука, 1974. — 253 с.

8. *Коскина Н. А.* Названия болезней в «Тобольском травнике XVIII века» в аспекте славянской лингвокультурологии и лексикографии / Н. А. Коскина // *Проблемы истории, филологии, культуры.* — 2011. — № 3. — С. 167—171.

9. *Коскина Н. А.* Сибирские рукописные лечебники XVII—XVIII вв. в аспекте книжности и разговорности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. А. Коскина. — Архангельск, 2013. — 22 с.

10. *Мальцева И. М.* Лексические новообразования в русском языке XVIII века / И. М. Мальцева, А. И. Молотков, З. М. Петрова ; ответственный редактор Ю. С. Сорокин. — Ленинград : Наука, 1975. — 371 с.

11. *Реформатский А. А.* Мысли о терминологии / А. А. Реформатский // *Современные проблемы русской терминологии.* — Москва : Наука, 1986. — С. 165—198.

12. РГ–80 — *Русская грамматика* : в 2 томах. Т. I : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / главный редактор Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980. — 784 с.

13. САР — *Словарь Академии Российской* : в шести томах / Российская академия наук, Отделение историко-филологических наук, Московский гуманитарный институт имени Е. Р. Дашковой. — Москва : МГИ им. Е. Р. Дашковой, 1789—1794. — Т. I—VI.

14. *Чернявский М. Н.* Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии / М. Н. Чернявский // *Энциклопедический словарь медицинских терминов* : в 3 т. / под редакцией Б. В. Петровского. — Москва : Советская энциклопедия, 1984. — Т. 3. — С. 411—425.

NAMES OF DISEASES AND PAINFUL CONDITIONS IN PUBLICATION OF V. M. FLORINSKY “RUSSIAN COMMON FOLK HERBALISTS AND HEALERS”: COMPOSITION, WORD-FORMATION MODELS

© **Olga N. Antsiferova (2020)**, orcid.org/0000-0002-2760-2875 PhD in Philology, senior lecturer, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Institution of Higher Education “Urals State Medical University” of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia), antsiferovaon@yandex.ru.

The book “Russian common folk herbalists and healers: a collection of medical manuscripts of the 16th and 17th centuries”, published by Professor V. M. Florinsky (Kazan, 1879) is analyzed. The importance of the study of written monuments of medical content for studying the history of the formation of Russian medical terminology is emphasized. The importance of studying the “Herbalist” and the “Book called cool garden” included in the collection of Florinsky is substantiated. The uniqueness of the language situation in which the named monuments were created is noted — the end of the XVII — the beginning of the XVIII centuries. The objectives of the study are listed. They include identifying the names of diseases and disease states. Word-formation models characteristic of these items are described. Nominative phrases are considered, which play the role of preterm in the professional speech of physicians. It is concluded that the processes of term formation in the Russian medical field, as well as descriptions of painful conditions, were carried out at first using the resources of the mother tongue, which coincided with the idea of the national language norm. Attention is drawn to the fact that the combination of Russianisms, Slavisms and borrowed words in the sources studied can serve as confirmation of the hypothesis about the formation of a new book type of language in which the stylistic neutralization of the genetic differences of lexemes begins.

Key words: history of Russian medical terminology; written monuments of the XVII—XVIII; names of diseases; terminology processes.

MATERIAL RESOURCES

Florinsky, V. M. (1879). *Russkiye prostonarodnyye travniki i lechebniki: sobraniye meditsinskikh rukopisey XVI i XVII stoletiya, XVIII*. Kazan’: tipografiya Imperatorskogo universiteta. (In Russ.).

REFERENCES

- Bobrova, M. I., Zhuravleva, I. K. (2011). Travniki XVI—XVIII vv. v fonde Tsentralnoy nauchnoy biblioteki Kharkovskogo natsionalnogo universiteta imeni V. N. Karazina. *Metod. visnik ist. f-tu KhNU im. V. N. Karazina*, 9: 110—117. (In Russ.).
- Chernyavskiy, M. N. (1984). Kratkiy ocherk istorii i problem uporyadocheniya meditsinskoy terminologii. *Entsiklopedicheskiy slovar’ meditsinskikh terminov: v 3 t.*, 3. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. 411—425. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1881). *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.*, II. Sankt-Peterburg; Moskva: Izdaniye knigoprodavtsa-tipografa M. O. Volfa. (In Russ.).
- Glinkina, L. A. (2006). Lingvisticheskoye istochnikovedeniye v krugu smezhnykh gumanitarnykh nauk. In: *Delovoy yazyk XVIII — nachala XIX vv. na Yuzhnom Urale i v Zauralye*. Chelyabinsk: Poligraf–Master. 15—22. (In Russ.).

- IL — *Istoriya leksiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII — nachala XVIII veka.* (1981). Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ippolitova, A. B. (2004). *Russkiye rukopisnyye travniki XVIII veka kak fenomen kultury: avtoreferat dissertatsii ... kandidata istoricheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).
- Knyazkova, G. P. (1974). *Russkoye prostorechiye vtoroy poloviny XVIII veka.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Koskina, N. A. (2011). Nazvaniya bolezney v «Tobolskom travnike XVIII veka» v aspekte slavyanskoy lingvokulturologii i leksikografii. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 3: 167—171. (In Russ.).
- Koskina, N. A. (2013). *Sibirskiyе rukopisnyye lechebniki XVII—XVIII vv. v aspekte knizhnosti i razgovornosti: avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk.* Arkhangelsk. (In Russ.).
- Maltseva, I. M., Molotkov, A. I., Petrova, Z. M. (1975). *Leksicheskiye novoobrazovaniya v russkom yazyke XVIII veka.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).
- Reformatskiy, A. A. (1986). Mysli o terminologii. In: *Sovremennyye problemy russkoy terminologii.* Moskva: Nauka. 165—198. (In Russ.).
- SAR — *Slovar' Akademii Rossiyskoy: v shesti tomakh, 1—6.* (1789—1794). Moskva: MGI im. E. R. Dashkovoy. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.) (1980). *RG-80 — Russkaya grammatika: v 2 t, I: Fonetika. Fonologiya. Udarenkiye. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Zamkova, V. V. (1975). *Slavyanizm kak stilisticheskaya kategoriya v russkom literaturnom yazyke XVIII veka.* Leningrad: Nauka. (In Russ.).